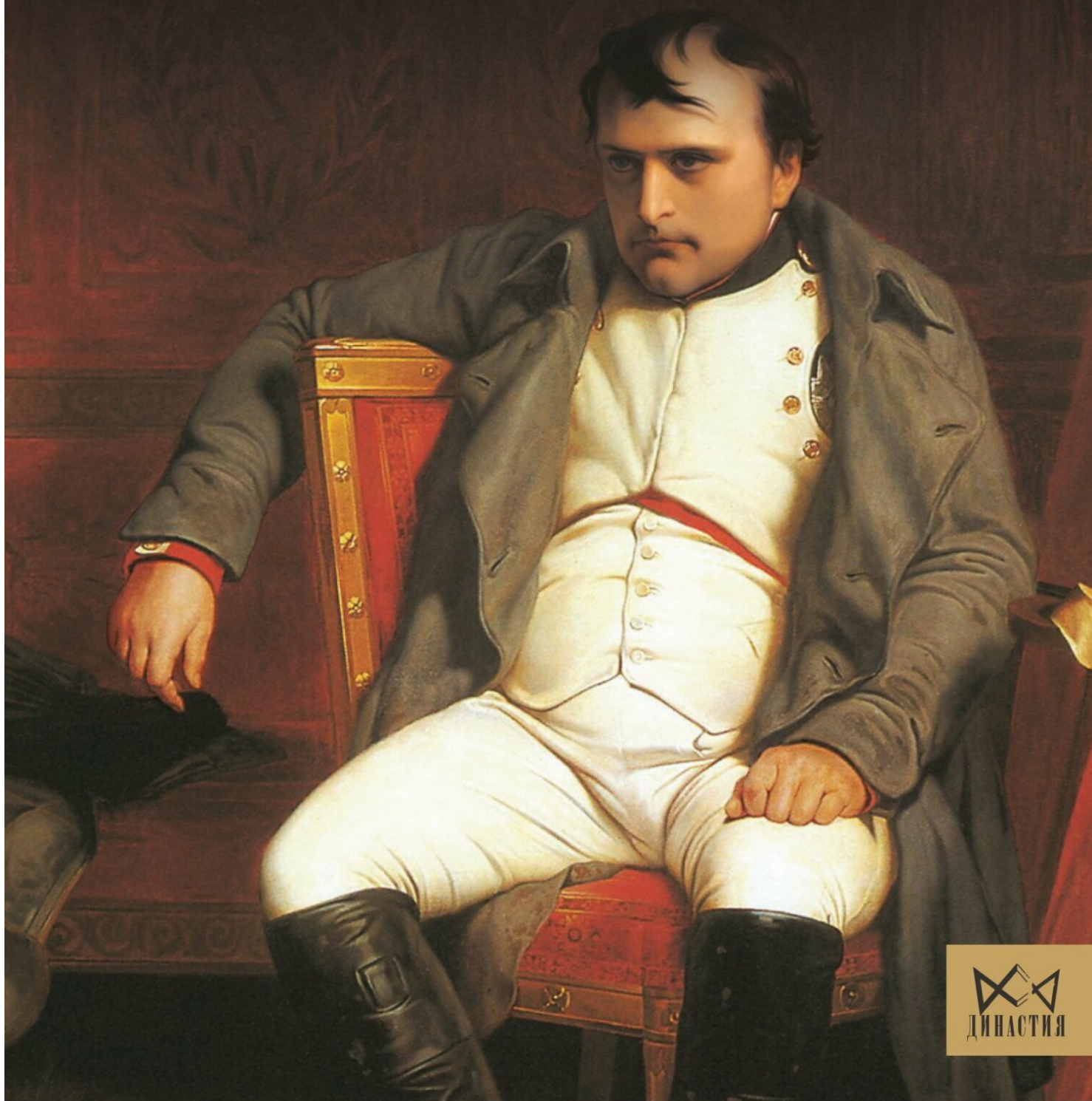

БОНАПАРТЫ

ЕГИПЕТСКИЙ ПОХОД, КОДЕКС НАПОЛЕОНА, ПРОДАЖА ЛУИЗИАНЫ, БИТВА ПРИ АУСТЕРЛИЦЕ, БОРОДИНО,
ФРАНЦУЗСКАЯ ИМПЕРИЯ, ИМПЕРАТРИЦА ЖОЗЕФИНА, НАПОЛЕОН III, КРЫМСКАЯ ВОЙНА,
ИДЕОЛОГИЯ БОНАПАРТИЗМА, ИМПЕРАТРИЦА ЕВГЕНИЯ, ПРЕЗИДЕНТ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Династия (АСТ)

Серж Нонте

**Бонапарты. История
Французской империи**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 94(44)
ББК 63.3(4Фра)

Нонте С.

Бонапарты. История Французской империи / С. Нонте —
«Издательство АСТ», 2023 — (Династия (АСТ))

ISBN 978-5-17-159732-0

Бонапарты — прославленная и могущественная династия XIX века. Они возвели новую империю и сделали Францию самым влиятельным государством в Европе, столицей науки, литературы и моды. Представители рода обрели особую славу, власть и богатства, став могущественным кланом, который покорил всю Европу. Несмотря на многочисленные войны, французы чтят Бонапартов, благодаря прогрессивному кодексу Наполеона и передовым реформам внутри страны, многие из которых действуют до сих пор. Как Наполеон I «штамповал» короны в Европе? Зачем Люсьен Бонапарт прорыл подземный ход к дому своей возлюбленной? Что на самом деле произошло с сыном Наполеона III? Почему став императором Наполеон продолжал носить военную форму? Правда ли, что Жозефина участвовала в переворотах любимого мужа? Сколько получил император за продажу Луизианы? Кто написал «Кодекс Наполеона»? История, тайны, интриги и споры молодой династии, покорившей не только Францию, но и всю Европу. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(44)
ББК 63.3(4Фра)

ISBN 978-5-17-159732-0

© Нонте С., 2023

© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Основные даты	7
Глава 1. Наполеон I	9
Удивительная карьера корсиканца	9
Брак с Жозефиной де Богарне	10
Коронация во имя республики, или Свободное волеизъявление граждан по-наполеоновски	12
Покушение на улице Сен-Никез	17
Торжественная коронация в Париже	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Серж Нонте

Бонапарты. История Французской империи

© С. Нонте, текст, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Основные даты

1769, 15 августа.

Родился Наполеон Бонапарт.

1793, 22 декабря.

Наполеон стал бригадным генералом.

1796, 9 марта.

Наполеон женился на Жозефине де Богарне.

1799, 9-10 ноября.

Наполеон совершил государственный переворот и стал консулом.

1804, 16 мая.

Наполеон был провозглашен императором французов.

1804, 2 декабря.

Коронация Наполеона I.

1808, 20 апреля.

Рождение Луи-Наполеона Бонапарта, племянника Наполеона I и будущего Наполеона III.

1809, 15 декабря.

Наполеон I развелся с Жозефиной.

1810, 2 апреля.

Брак Наполеона I и Марии-Луизы Австрийской.

1811, 20 марта.

Рождение сына, Наполеона-Франсуа-Жозефа, официального наследника трона.

1814, 4–6 апреля.

Первое отречение Наполеона I.

1814, 29 мая.

Смерть Жозефины.

1815, 26 февраля.

Наполеон покинул место ссылки на острове Эльба.

1815, 22 июня.

Второе отречение Наполеона.

1821, 15 декабря.

Смерть Наполеона на острове Святой Елены.

1826, 5 мая.

Рождение будущей императрицы Евгении.

1832, 22 июля.

Смерть Наполеона-Франсуа-Жозефа (Наполеона II).

1847, 17 декабря.

Смерть Марии-Луизы Австрийской.

1848, 20 декабря.

Избрание Луи-Наполеона Бонапарта президентом Франции.

1851, 2 декабря.

Государственный переворот Луи-Наполеона Бонапарта.

1852, 2 декабря.

Провозглашение Луи-Наполеона Бонапарта императором Наполеоном III.

1853, 30 января.

Брак Наполеона III и Евгении де Монтихо.

1856, 16 марта.

Рождение Наполеона-Эжена-Луи Бонапарта, сына Наполеона III.

1870, 4 сентября.

Низложение с престола Наполеона III.

1873, 9 января.

Смерть Наполеона III.

1879, 1 июня.

Гибель в Африке принца Наполеона-Эжена-Луи Бонапарта, несостоявшегося Наполеона IV.

1920, 11 июля.

Смерть императрицы Евгении.

Глава 1. Наполеон I

Удивительная карьера корсиканца

Когда Наполеон Бонапарт родился 15 августа 1769 года на далекой Корсике, только что перешедшей во владение французов, никто и думать не мог о том, что ему доведется стать основателем императорской династии, просуществовавшей до 1870 года.

История Наполеона I хорошо известна: о нем написаны тысячи книг. Если коротко, то в 1779 году он поступил в Бриеннскую военную школу, 1 сентября 1785 года начал военную службу в чине лейтенанта артиллерии, а в конце 1793 года уже был генералом. Потом, командуя армией, он отличился в боях против австрийцев в Италии. Затем случился неудачный поход в Египет и Сирию...

16 октября 1799 года, бросив армию, Наполеон прибыл в Париж и 9–10 ноября (18–19 брюмера) того же года совершил государственный переворот, после чего стал одним из трех консулов, возглавивших страну. Затем он стал первым консулом, потом – пожизненным первым консулом, а 16 мая 1804 года его провозгласили императором французов.

Брак с Жозефиной де Богарне

Со своей будущей женой Жозефиной де Богарне Наполеон познакомился в ноябре 1795 года. В то время он был простым генералом, на которого, однако, сразу после успеха под Тулоном «положил глаз» один из влиятельнейших руководителей Республики Поль Баррас. Грациозная креолка (Жозефина родилась на острове Мартиника) сразу поразила воображение 26-летнего генерала, и он принялся испепелять ее горящим корсиканским взглядом.

Одни историки предполагают, что главную роль в этом знакомстве сыграл заговор двух подруг – Терезы Тальен и Жозефины, другие считают, что Жозефину с Наполеоном свел глава Директории (тогдашнего высшего органа государственной власти Французской республики) Поль Баррас, которому Жозефина-любовница поднадоела и который хотел «рулить» событиями.

Как бы то ни было, Наполеон, храбрый на поле битвы, оказался весьма робок в отношениях с женщинами, вниманием которых он в то время еще не был избалован. Несколько дней ему потребовалось на то, чтобы решиться первый раз заговорить с Жозефиной. Она же, будучи женщиной весьма опытной, ободрила его, с восторгом отозвавшись о его военных подвигах. По последующим признаниям самого Наполеона, эти похвалы тогда буквально опьянили его. После этого он не мог говорить ни с кем другим и не отходил от нее ни на шаг. Совершенно очевидно, что это была любовь с первого взгляда.

Жозефина всецело завладела душой и разумом Наполеона и вскоре стала казаться ему идеалом женщины.

Некоторые историки утверждают, что поначалу Жозефина не слишком благосклонно смотрела на «ухаживания» генерала Бонапарта. Но якобы всеильный Баррас, с которым Жозефина была очень дружна, сказал ей однажды:

– Я желал бы, чтобы вы вышли замуж за маленького Бонапарта. Я делаю его главнокомандующим и предоставляю ему покорить Италию. Он достигнет этого, потому что он очень честолюбив и жаждет громкой славы. Женясь на вас, он приобретет положение в свете, а вы найдете в нем поддержку. У этого человека много качеств, делающих его достойным вдовы Богарне. Его характер, манеры, талант – одним словом, у него есть все, чего может желать сердце женщины.

– Все, чего она должна бояться, – возразила Баррасу Жозефина.

Но, по сути, в тот момент ее смущало лишь одно: ей было уже, как говорится, «за тридцать». Конечно же, она умела искусно скрывать это, но терять время было никак нельзя. После казни мужа, виконта Александра де Богарне, Жозефина осталась одна с двумя детьми на руках, и влюбленный генерал Бонапарт виделся ей весьма перспективной партией. Неважно, что он был болезненно бледен и носил такую смешную прическу, а его мундир был изношен до неприличия. Мудрая Жозефина с первого дня знакомства смогла разглядеть в нем человека, для которого не существует ничего невозможного. Короче говоря, ей нужен был мужчина, на которого можно было опереться, и Наполеон был именно таким мужчиной.

Самого же Наполеона влекла к Жозефине только любовь, безумная любовь впечатлительного южанина, закомплексованного и истосковавшегося по женскому вниманию. Прошное Жозефины его не волновало, и союз с вдовой виконта де Богарне представлялся ему вершиной счастья.

* * *

Наполеон был человеком, который решал все вопросы быстро и четко. Если задача поставлена – она должна быть выполнена любой ценой. Сказано – сделано. Не прошло и четы-

рех месяцев после их знакомства, и вот уже 9 марта 1796 года в ратуше Второго парижского округа на улице д'Антэн состоялось бракосочетание Наполеона Бонапарта с Жозефиной де Богарне, урожденной Таше де ля Пажери.

Накануне этого у нотариуса Рагидо в присутствии юного адъютанта Лемарруа был составлен брачный договор. В нем жених не заявил никакого имущества, кроме шпаги и мундира, но каким-то одному ему известным образом гарантировал жене на случай своей смерти пожизненную пенсию в 1500 франков ежемесячно.

В этом документе имелся и еще ряд неточностей, на которые нотариус «не обратил внимания». Слишком уж велика была разница в возрасте между женихом и невестой, причем намного старше был не жених, а как раз наоборот. Чтобы не вызывать ненужных разговоров, Наполеон прибавил себе полтора года, заявив, что он родился не 15 августа 1769 года, а 5 января 1768 года, Жозефина же, родившаяся 23 июня 1763 года, сделала себя моложе на четыре года. Таким образом, Наполеон указал в брачном договоре, что ему 28 лет, а Жозефина – что ей неполных 29 лет. Внешние приличия были соблюдены. Знала бы тогда Жозефина, чем эта невинная ложь еще обернется для нее...

В тот же день Наполеон переехал в дом Жозефины на улице Шантрэн, а через несколько дней он уехал на войну в Италию, оставив любившую столичную жизнь и сопряженные с ней удовольствия Жозефину одну.

И Жозефина не пожалела о сделанном ей выборе.

Коронация во имя республики, или Свободное волеизъявление граждан по-наполеоновски

Как уже говорилось, 16 мая 1804 года Наполеона провозгласили императором французов.

Следует отметить, что поначалу слово «империя» даже не произносилось, а Сенат лишь назвал пожизненного первого консула «столь же бессмертным, как и его слава». Затем осторожно была заведена речь о праве наследования его титула, и лишь через несколько дней бесконечных интриг и сомнений некий депутат по имени Кюре впервые озвучил тезис о том, что Наполеон Бонапарт может стать императором французов с правом наследования этого титула для членов его семьи.

Публично выступил против империи лишь Лазар Карно, бывший член Конвента и Комитета общественного спасения, бывший президент Директории и бывший военный министр. Против были и такие влиятельные люди, как бывший член Директории и бывший консул Сийес, но к мнению этих «героев вчерашних дней» уже никто не прислушивался. Остальные трибуны и сенаторы дрожали от страха при одной только мысли о том, что их всех разгонят, как в свое время Наполеон поступил с Директорией и Советом пятисот.

Была создана специальная комиссия, от имени которой 3 мая 1804 года депутат Панвиллье сделал доклад, главная мысль которого заключалась в том, что всеобщее мнение состоит в признании необходимости единой власти и права наследования этой власти.

Законодательный корпус находился на каникулах, но его президент провел поспешное голосование среди тех, кого ему удалось найти в Париже. На факт отсутствия кворума никто не обратил внимания. Президент Сената Камбасерес и специальная сенатская комиссия быстро сформулировали вопрос к французскому народу: «Согласен ли народ с наследованием императорской власти по прямой, естественной, легитимной и приемной линиям наследования Наполеона Бонапарта?» Вопрос о том, желает ли народ Франции установления империи, был дипломатично обойден. Этот вопрос уже был решен и без всякого его участия.

6 ноября 1804 года были обнародованы результаты так называемого плебисцита XII года: «за» проголосовало 3 572 329 человек (99,9 % голосовавших), «против» осмелилось высказаться лишь 2 569 человек.

* * *

В одиннадцати департаментах (Верхние Альпы, Коррез, Гар, Вар, Воклюз, Верхняя Луара, Де-Севр, Эндр и другие) не было ни одного голоса «против». Лишь в тринадцати департаментах было зафиксировано более пятидесяти проголосовавших «против», в их числе в департаменте По (204), в Верхнем Рейне (127) и в Вогезах (107).

Также ни одного голоса «против» не было отмечено среди четырехсот тысяч голосовавших в сухопутной армии и среди пятидесяти тысяч – во флоте. В это тоже верится с трудом, ибо республиканцев по духу в вооруженных силах оставалось еще более чем достаточно. В частности, открыто критиковал провозглашение империи генерал Клод-Франсуа Мале в Ангулеме. Он оказался единственным комендантом, который не стал устраивать в своем городе праздничной иллюминации. Можно ли себе представить, что этот человек, организовавший в 1812 году захват власти в Париже, объявив Наполеона погибшим, голосовал в 1804 году за установление империи? А сторонники и друзья генерала Моро, которых было немало: могли ли они все до единого высказаться за провозглашение ненавистного им Наполеона императором?

Скорее всего, голоса Мале и ему подобных были по той или иной причине признаны недействительными. Широко известные ныне методы приписок и подтасовок при голосовании были детально проработаны к далекому 1804 году с одной лишь разницей, что двести лет назад все это было гораздо сложнее физически, так как еще не были изобретены ЭВМ и компьютерные программы, облегчающие этот труд.

Французский историк Тьерри Лентц приводит следующие данные: по его оценкам, в сухопутной армии проголосовало «за» лишь 120 300 человек, а во флоте – 16 200 человек¹. Эти результаты «округлили» до 400 000 и 50 000 соответственно.

Так при помощи «свободного волеизъявления граждан» Наполеон стал императором французов. Опытные юристы быстро оформили все эти изменения. Ну а Наполеон, посчитавший себя после этого единственным правомочным представителем всей нации, за все годы своего императорства никогда больше не беспокоил народ какими бы то ни было голосованиям.

* * *

Кстати сказать, в 1804 году Наполеон использовал референдум не первый раз. Как известно, после государственного переворота 18–19 брюмера (9–10 ноября 1799 года) Директория была упразднена, и власть во Франции была вверена трем консулам – Наполеону Бонапарту, Эмманюэлю-Жозефу Сийесу и Пьеру-Роже Дюко.

Как писали французские историки Эрнест Лависс и Альфред Рамбо, «это был государственный переворот, не оправдывавшийся никакой серьезной внутренней или внешней опасностью. Но с 1789 года было произведено столько переворотов народом или правителями, и еще в последнее время Конституция III года так часто грубо нарушалась, что незаконные акты 18 и 19 брюмера (9 и 10 ноября) вызывали скорее удивление, чем негодование»².

Через месяц была подготовлена соответствующая конституция, но ее необходимо было провести через процедуру всенародного голосования. Необходимо – нет проблем. По словам Эрнеста Лависса и Альфреда Рамбо, «были пущены в ход все средства, чтобы обеспечить успех этого плебисцита. Вместо того чтобы созвать первичные собрания, на которых когда-то подавались голоса за Конституцию 1793 года и Конституцию III года (1795), их признали фактически упраздненными, опасаясь прений, которые могли бы возникнуть в них, и решили заставить граждан вотировать поодиночке, безмолвно, путем открытой письменной подачи голосов»³.

Подтверждает предопределенность «свободного волеизъявления граждан» и французский историк Альбер Вандаль, у которого мы читаем:

«Что конституция будет принята, это не подлежало сомнению, но друзья Бонапарта несколько боялись оцепенения и инертности масс. При прежних плебисцитах народ никогда не отвечал на поставленный ему вопрос отрицательно, но воздерживавшихся от подачи голоса всегда было несравненно больше, чем голосовавших»⁴.

«В Париже, – продолжает Альбер Вандаль, – голосование началось тотчас же и протекало в полном спокойствии. Не было ни подготовительных собраний, ни шумных съездов; в определенных местах скрыты были двойные списки, куда граждане могли вносить свое одобрение или отказ. Многие из них не решались приходить и записываться из опасения, как бы в случае нового переворота этот список имен не обратился в список лиц, подлежащих изгнанию; эти страхи не свидетельствовали о твердой вере в стойкость и беспристрастность правительства. Чтобы успокоить граждан и привлечь их к голосованию, пришлось обещать им, что записи будут потом сожжены. Войска подавали голоса отдельно. Генерал Лефевр собрал их на Марсовом поле и повел дело быстро, по-военному. Солдатам прочитали указ для того, чтобы каждый мог свободно высказаться о нем; затем, как рассказывают газеты, храбрый генерал произнес пылкую речь и в порыве красноречия, чересчур уж наивного, воскликнул: “Мы

переживаем вновь золотые дни революции. Утверждение Конституции положит конец нашим распрям. Только бунтовщики способны отвергнуть ее. Клянемся нашими штыками истребить их!» И солдаты голосовали так, как им было приказано»⁵.

Первый Наполеоновский плебисцит (от древнеримского *plebiscitum*, что переводится как «Что плебс или народ устанавливает»), который еще называют плебисцитом VIII года, проводился 25 декабря 1799 года. По официальным данным, за новую Конституцию, написанную под трех консулов во главе с Наполеоном и, кстати сказать, уже принятую за двенадцать дней до этого, проголосовало 3 011 007 человек, против – всего 1562 человека⁶.

Следует отметить, что реальных голосов «за» было подано лишь чуть больше полутора миллионов. Эти цифры показались тогдашнему министру внутренних дел Люсьену Бонапарту слишком несерьезными, и он самовольно добавил к ним численность сухопутной армии и флота, подразумевая, что все военные, конечно же, проголосовали бы «за». В некоторых частях голосование действительно проводилось, но солдаты там отвечали на вопрос командира хором, поэтому голосов «против» просто не было слышно. Кроме того, Люсьен Бонапарт добавил к проголосовавшим «за» еще неких девятьсот тысяч человек. Главной задачей хитроумного брата Наполеона было всеми правдами и неправдами «перевалить» через трехмиллионный рубеж, что и было успешно сделано.

После объявления официальных результатов плебисцита Наполеон первым делом закрыл 160 из существовавших в стране 173 газет (через некоторое время их останется лишь четыре). Сделав это и обеспечив себе недоступность для критики снизу, он «убрал» неудобного ему консула Сийеса, откупившись от него на время высокооплачиваемой должностью президента Сената. Бывший аббат все правильно понял и не стал отказываться от годового оклада в 200 000 франков.

Пост второго консула «незаметно» перешел к юристу Жану-Жаку-Режи де Камбасересу, а третьим консулом стал финансист Шарль-Франсуа Лебрён.

Очень скоро выдающиеся военные достижения Бонапарта в Европе подготовили общественное мнение к существенным переменам и в этой не самой демократической постреволюционной форме правления.

* * *

В 1802 году второй консул Камбасерес начал намекать законодателям, что следовало бы как-то наградить Наполеона от лица всей нации. Но в ответ на это поступило предложение лишь о почетном титуле «Миротворца» или «Отца народа». Подобное никак не могло удовлетворить амбиций первого консула, и Камбасерес принялся поодиночке уговаривать членов Сената пожаловать Наполеону титул пожизненного консула. Удивительно, но у сенаторов хватило мужества воспротивиться, и они ограничились постановлением, согласно которому Наполеон провозглашался первым консулом на новый 10-летний срок.

Тогда по совету Камбасереса Наполеон написал Сенату, что хочет обратиться к народу, чтобы узнать, стоит ли ему принимать это предложение. 10 мая Камбасерес созвал Государственный совет, чтобы решить в связи с этим письмом первого консула, каким образом и о чем должен быть спрошен французский народ.

Результат подготовительной работы Камбасереса таков: перед народом Франции был поставлен вопрос «Быть ли Наполеону Бонапарту пожизненным консулом?» Такая формулировка вопроса была равносильна очередному государственному перевороту, ведь существовавшая Конституция ничего подобного не предусматривала. Но французские законодатели лишь склонили головы перед свершившимся фактом.

В итоге так называемый плебисцит X года состоялся, и его результаты, официально оглашенные 2 августа 1802 года, оказались следующими: за пожизненное консульство Наполеона «проголосовало» 3 653 600 человек (99,8 % голосовавших), против – лишь 8 272 человека (0,2 %) ⁷.

Результаты эти оставляют двойственное впечатление. С одной стороны, показанные 99,8 % не удивительны, ведь голосование проводилось открыто, и тот, кто хотел проголосовать «против», должен был выражать свое мнение письменно и на глазах у многих свидетелей. Для этого и сама по себе необходима известная смелость, не говоря уж об имевших место в 1802 году условиях проведения «свободного волеизъявления граждан». В своих «Воспоминаниях» Станислас де Жирарден, например, рассказывает об одном генерале, который созвал своих солдат и заявил им: «Товарищи, сегодня стоит вопрос о провозглашении генерала Бонапарта пожизненным консулом. Все свободны в своих мнениях, но я должен предупредить, что первый из вас, кто не проголосует за пожизненное консульство, будет мною расстрелян прямо перед строем. Да здравствует свобода!» ⁸

С другой стороны, 8 272 голоса «против» кажутся чем-то сверхъестественным. Ведь все эти тысячи людей очень сильно рисковали, причем рисковали жизнью в самом прямом смысле этого слова. Кто же были эти отчаянные храбрецы? Прежде всего, «против» голосовали идейные республиканцы, которых было много среди высшего офицерского состава армии. В частности, отважный генерал Латур-Мобур открыто обратился к Наполеону с заявлением, что сможет голосовать «за» только при условии, если будет восстановлена свобода печати.

Лора д'Абрантес, жена генерала Жюно, в своих «Мемуарах» приводит рассказ о том, что, будучи простодушным и честным человеком, ее муж, бывший в то время военным комендантом Парижа, прямо сказал Наполеону о ходящих, особенно по провинциям, сомнениях относительно законности и правильности проведения всенародного голосования. Честолюбивый Бонапарт тогда вспылил и заявил, что его признала вся Франция, а он теперь находит цензоров среди своих самых дорогих друзей... «Ну вот, моя бедная Лора, – печально констатировал потом Жюно, – я сказал, что думал, но мне начинает казаться, что у нас уже нельзя говорить правду, чтобы не прогневить кого-либо». И так думал один из самых преданных Наполеону людей! Что же говорить об остальных, например, о генералах Моро, Пишегрю, Лекурбе, Карно и многих других, так и не признавших власти Наполеона Бонапарта?

Голосовали «против» и простые солдаты. Так, например, в «Мемуарах» графа Мио де Мелито приводятся такие факты: в Аяччо, где гарнизон составлял 300 человек, 66 человек проголосовали «против», а в одной артиллерийской роте из 50 человек «против» проголосовало 38 человек ⁹.

Высказался против пожизненного консульства и такой знаменитый политический деятель эпохи революции, как маркиз Мари-Жозеф-Поль де Лафайетт. В целом можно сделать вывод, что плебисцит о пожизненном консульстве окончательно положил конец связи Наполеона с либералами закалки 1789 года.

* * *

Первый консул, пожизненный консул, император – такова удивительная эволюция Наполеона всего за пять лет, прошедших после его позорного бегства из Египта.

Историк Огюст Минье отмечает:

«Революция обратилась вспять до политических принципов старого порядка; воодушевление и фанатизм не исчезли, но это было теперь воодушевление лести, фанатизм раболепия. Французы бросились в Империю, так же, как они бросались в Революцию. Тогда они все относили к освобождению народов и к веку равенства; теперь они говорили только о величии одного

человека и о веке Бонапарта. Они стали сражаться за образование новых королевств, как сражались недавно за образование республик»¹⁰.

И это было совсем не случайно. Как утверждает Натали Петито, «логика ситуации требовала, чтобы появился либо диктатор, чтобы продолжить революцию, либо кто-то из Бурбонов, чтобы с ней покончить»¹¹. В лице Наполеона Франция нашла такого диктатора, и он сел на пустовавший трон. То есть, по сути, после свержения Директории правление кучки трусливых казнокрадов и предателей сменилось в измученной Франции военным деспотизмом.

Наполеон Бонапарт открыл «царство деспотизма», отстранив других людей от участия в государственных делах. Таким образом, диктатор и не подумал продолжать то, что было начато Революцией. Будучи простым генералом, он решил командовать Францией, как своими солдатами, и без всяких возражений.

Покушение на улице Сен-Никез

Но путь наверх у Наполеона явно не был усыпан розами, и очень многим не нравилось его быстрое возвышение.

Будучи человеком военным, Наполеон не раз рисковал жизнью: был ранен в ногу под Тулоном, находился «на волосок» от гильотины, отсидев некоторое время в тюрьме во время термидорианского террора, чуть не погиб в суматохе у Аркольского моста в одноименном сражении (австрийская пуля попала в грудь стоявшему рядом адъютанту Мюирону). Но, по большому счету, точно такой же была судьба сотен генералов республики, а сам Наполеон не представлял собой цели для каких-то покушений и заговоров. Слишком мелкой он был для этого фигурой. Все началось после государственного переворота, открывшего для него прямой путь к французской короне.

После этого роялистски настроенная эмиграция поняла, что Наполеон не из тех, кем можно управлять. Он уже давно перестал ощущать себя простым генералом и был готов управлять страной сам. Фактически он и был уже правителем Франции, наделенным почти неограниченной властью. Понятно, что в таких условиях желание враждебного Франции Лондона «убрать» Наполеона еще более укрепилось. Осуществить это желание британская разведка попыталась руками осевших в Лондоне французских роялистов.

Практически в то же самое время подобная мысль возникла и в кругах ярых якобинцев, грустивших об уходящей в забвение Великой французской революции. Для них идеи демократии не были пустым звуком, они своими руками создавали республику и по праву считали себя ее наследниками. Отчаянные средства, к которым они прибегали, всем известны, и теперь, видя, как Наполеон присваивает себе власть в стране, они считали себя обязанными отомстить.

Французский историк Андре Кастело по этому поводу пишет:

«Экстремисты – якобинцы и роялисты – не выносили такого позорного зрелища, когда большинство прежних революционеров и большая часть эмигрантов низкопоклонствовали перед новым хозяином»¹².

В результате, уже первый год Консульства представлял собой череду заговоров, направленных против Наполеона, на которого как роялисты (правые), так и якобинцы (левые) смотрели не иначе как на узурпатора и тирана, как на позор искренне любимой ими Франции.

Наиболее решительно настроенные якобинцы создали для уничтожения Наполеона боевую группу. В состав этой группы, члены которой называли себя «эксклюзивами» (то есть «исключительными» или «нетерпимыми»), входило шесть человек. Ее идейным лидером был 49-летний итальянец Джузеппе Черакки. Его ближайшим соратником стал бывший офицер 29-летний Джузеппе Арена. Группа была весьма разношерстной и включала в себя людей совершенно разных, движимых разными идеями, но объединенных одним – ненавистью к Наполеону.

Вариантов устранения первого консула рассматривалось множество, но остановились, в конечном итоге, на акте возмездия, получившем потом название «заговор кинжалов». Все было намечено на 10 октября 1800 года. Все должно было произойти в Опере, где в тот день давали премьеру «Горациев» и, конечно же, ожидали Наполеона.

Но попытка убийства в последний момент сорвалась. О готовящемся покушении донесли, и заговорщики были арестованы.

* * *

Удар со стороны роялистов последовал 24 декабря 1800 года. В тот день в Парижской опере должно было состояться первое исполнение оратории Гайдна «Сотворение мира». В представлении были задействованы более двухсот первоклассных оркестрантов и лучших певцов, что обещало невиданный успех. И, конечно же, Наполеон с супругой должны были быть там.

Две консульские кареты на достаточно большом расстоянии друг от друга неслись к зданию Оперы. Когда они вылетели на узкую улочку Сен-Никез (было ровно восемь часов вечера), вдруг раздался страшный грохот. Затем послышались крики, стоны, ржание лошадей. В густом дыму ничего нельзя было разглядеть...

Когда его клубы несколько рассеялись, стало ясно, что случилось что-то экстраординарное. Только бешеная скорость, с которой мчалась первая карета, спасла Наполеона. Задержись она хотя бы на десять секунд, Бонапарт и все бывшие с ним взлетели бы на воздух. К счастью, первый консул, как всегда, торопился, и кучер гнал лошадей что есть мочи, и вот эта-то поспешность и избавила от трагической гибели человека, преждевременная смерть которого изменила бы судьбы Франции и всей Европы.

В следовавшей в нескольких десятках метров позади карете Жозефины от взрыва разлетелись стекла.

Чтобы успокоить парализованных страхом женщин, Дюрок выскочил из кареты, а потом объявил, что произошел несчастный случай в одной из оружейных мастерских на соседней улице Ришельё, но первый консул и сопровождавшие его не пострадали.

На самом деле, это был не несчастный случай. Все пространство между двумя каретами было залито кровью и завалено телами убитых и раненых. О силе взрыва – а это явно был результат действия «адской машины» – красноречиво свидетельствовало и то, что, как потом выяснилось, было повреждено более сорока расположенных вблизи домов. Также стало известно, что при взрыве погибло 22 человека (двенадцать охранников из консульской гвардии и десять случайных прохожих) и было ранено еще около шестидесяти. Карета Наполеона оказалась наполовину разбита. Сам он лишь чудом не был убит или жестоко искалечен.

– Нас хотели взорвать! – кричал в это время на заваленной обломками и окровавленными телами улице Сен-Никез первый консул.

Ланн и Бессьер настаивали на том, чтобы возвратиться во дворец Тюильри.

– Нет, – твердо сказал Наполеон, – мы едем в Оперу!

* * *

Наполеон вошел в свою ложу с виду совершенно спокойный, так что публика в театре только через некоторое время узнала о происшедшем. Когда же в зале прошел слух о взрыве, публика устроила Бонапарту бурную овацию. Тот сдержанно поклонился. Лицо его было бледным, а губы чуть заметно дрожали.

Но он не долго демонстрировал спокойствие. Показав перед публикой в течение нескольких минут, что никакая опасность не способна сбить его с намеченного пути, Наполеон поспешил в Тюильри, где уже собрались все значительные лица той эпохи, чтобы узнать, что случилось и чем все это кончится.

Едва войдя в комнату, где находились собравшиеся, Бонапарт расслабился и отдался на волю всей горячности своего характера. Громким голосом он закричал:

– Полюбуйтесь, вот дела якобинцев! Эти мерзавцы хотели меня убить! В этом заговоре нет ни дворян, ни шуанов¹, ни духовенства! Я стреляный воробей, и меня не обмануть. Заговорщики – это просто бездельники, которые вечно бунтуют против всякого правительства. Если уж их нельзя усмирить, то надо их раздавить. Надо очистить Францию от этой негодной дряни. Им не должно быть никакой пощады!

Позже, немного успокоившись, он сказал жене:

– Тебе, дорогая, здорово повезло. Они метили в меня, но вполне могли попасть в тебя.

Жозефина и ее дочь Гортензия рыдали.

– Разве это жизнь? – воскликнула сквозь слезы Жозефина. – Сегодня твоим врагам не повезло, но в следующий раз счастье может им улыбнуться. Теперь только и будешь делать, что постоянно бояться убийц.

– Надо будет устроить головомойку министру полиции Фуше, – подумав, сказал Наполеон.

– На твоём месте я не имела бы дел с этим человеком. Я его боюсь.

– Что ты хочешь? Могу ли я сейчас обойтись без него? Он такой ловкач, я из этого всегда смогу извлечь выгоду... И потом, будь спокойна, моя дорогая, это дело позволит мне пойти дальше. Они еще не знают...

И действительно, через четыре года Наполеон уже был императором всех французов.

* * *

Начавшееся немедленно следствие на первых порах ничего не выяснило, и никто не был арестован на месте взрыва. Наполеон, как мы уже знаем, был убежден, что и на этот раз покушение было организовано якобинцами, то есть республиканцами, которые остались верны Республике. Министру полиции Жозефу Фуше он так и объявил: он уверен, что «адская машина» была подложена якобинцами. Намеки Фуше, что, возможно, заговор был другого происхождения, встретили лишь насмешку: конечно, бывший член Конвента, бывший «левый» якобинец теперь стремится выгородить своих прежних единомышленников.

– Это дело рук якобинцев! Только они одни желают моей смерти! Это же бандиты, среди них нет ни одного благородного человека.

Фуше молчал, и это все больше раздражало Наполеона.

– Вы, Фуше, наверное, чем-то слишком сильно заняты, раз не обращаете достаточно внимания на якобинцев.

Фуше спокойно возразил, что еще не выяснено, подготовлено ли это покушение якобинцами; он лично убежден, что в этом деле играют главную роль роялистские заговорщики и английские деньги. Но спокойный тон возражений Фуше еще сильнее озлобил первого консула:

– А я говорю, что это якобинцы. Это террористы, это вечно мятежные негодяи, сплоченной массой действующие против любого правительства. Эти злодеи готовы принести в жертву тысячи жизней, лишь бы убить меня. Но я расправлюсь с ними так, что это послужит уроком для всех им подобных.

Фуше молчал.

¹ Шуаны – так первоначально назывались крестьяне Жана Коттро, владения которого были расположены возле Лавала (нынешний департамент Майен). В насмешку над его предком, прозванным «Лесной совой» (Chathuant – отсюда искаженное chouan), крестьяне эти стали носить то же прозвище. Коттро был горячим приверженцем Людовика XVI и в 1792 году поднял своих людей против Законодательного собрания. Потом к крестьянам Коттро присоединились их соседи, потом другие округа, причем все восставшие тоже получали прозвище шуаны. Вскоре вся Бретань подняла оружие против республиканского правительства. Затем отдельные отряды были объединены в одно целое и стали руководиться и финансироваться английским правительством. Генерал Гош наголову разбил шуанов и к июлю 1796 года подчинил все западные провинции страны. Придя к власти, Наполеон тщетно пытался привлечь вождей шуанов на свою сторону: они остались его врагами и участвовали в заговорах против него. После Реставрации Бурбоны осыпали вождей шуанов наградами.

– Фуше, я лучше знаю, кто подложил под меня эту бомбу, – продолжал кипятиться Наполеон. – Вы можете ловить кого хотите, но я-то уверен, что фитиль подпалили ваши друзья якобинцы!

Фуше не отступался от своих выводов:

– Это дело явно оплачено Лондоном, а англичане не стали бы платить деньги якобинцам. И вообще, какое отношение к взрыву имеют якобинцы? Разве это доказано?

– Фуше, я не нуждаюсь в ваших доводах. Мне нужна массовая депортация, чтобы очистить Францию от этих негодяев...

Фуше не мог прийти в себя от изумления.

– И вообще, вы надоели мне, Фуше, – продолжал кричать Наполеон. – Мне нужна полиция, а не юстиция!

Фуше осмелился еще раз высказать свои сомнения. Тут вспыльчивый корсиканец готов уже был наброситься на министра, и Жозефине пришлось вмешаться и взять супруга за руку. Наполеон, пытаясь вырваться, принялся перечислять все убийства и преступления якобинцев. Но чем больше горячился первый консул, тем упорнее молчал Фуше. Ни один мускул не дрогнул на его непроницаемом лице, пока сыпались обвинения, пока братья Наполеона и придворные насмешливо перемигивались, глядя на министра полиции. С ледяным спокойствием он отверг все подозрения и невозмутимо покинул Тюильри.

* * *

Уверенность Наполеона подкреплялась тем, что «адская машина», взорванная на улице Сен-Никез, представляла собой точную копию бомбы, изготовленной как раз в это время революционером-экстремистом, противником режима Консульства, неким Александром Шевалье. Шевалье в свое время работал на производстве пороха и хорошо знал свое дело. Его устройство состояло из железной бочки, наполненной порохом, другими горючими материалами, пулями и прочими острыми металлическими предметами. Взрывная смесь поджигалась при помощи длинной проволоки, приводившей в действие детонатор. В ночь с 17 на 18 октября 1800 года Шевалье провел испытание своей «адской машины» в одном старом ангаре.

Фуше через одного из своих тайных агентов, конечно же, тоже знал об этом изобретении. В ночь с 7 на 8 ноября Шевалье и его друзья по его приказу были схвачены и брошены в тюрьму Тамплль. Теперь, после покушения на улице Сен-Никез, многих якобинцев отправят на эшафот, и ему – Фуше – предстоит послушно выполнять приказ первого консула, звучавший так: самым жестким образом раздавить якобинскую оппозицию новому режиму.

– Нации объявлена война! – кричал Наполеон. – Первый консул – это воплощение нации, ее персонифицированное выражение, а покушение на первого консула – это покушение на нацию, покушение на конституцию.

Итак, Наполеон решил покончить с оппозицией слева, и взрыв на улице Сен-Никез оказался ему весьма кстати. Фуше было велено составить проскрипционный список. Министр полиции, по его собственным словам, не одобрял принятия репрессивных мер против якобинцев, но список, разумеется, составил. В него попало более ста человек, и все они были арестованы. Многие потом подверглись ссылке в Гвиану, откуда редко кто возвращался. Кое-кто пошел на гильотину.

Джузеппе Черакки и его незадачливые сообщники были преданы суду. Закрытый процесс начался 7 января 1801 года и завершился через два дня: Черакки, Арена, Демервилль и Топино-Лебрён были приговорены к высшей мере наказания. 30 января, в девять часов утра, они взойшли на эшафот.

Создатель «адской машины» Шевалье и его помощники были расстреляны еще раньше – 11 января.

При всем при этом Жозеф Фуше, избавляясь от компрометировавших его бывших друзей, с самого начала был уверен, что якобинцы в данном случае абсолютно ни при чем. Усердствовал он для того, чтобы угодить раздраженному Наполеону. Но на самом деле Фуше уже давно напал на след, и пока другие насмеялись над ним, а сам Наполеон ежедневно иронически упрекал его за «глупое упорство», он собирал в своем доступном лишь для немногих кабинете неоспоримые доказательства того, что покушение в действительности было подготовлено роялистским подпольем. Встречая с холодным, вялым и равнодушным видом многочисленные нападки в Государственном совете и в приемных Тюильри, Фуше лихорадочно работал с самыми лучшими агентами в своей секретной комнате. Были обещаны громадные награды, все шпионы и сыщики Франции были подняты на ноги.

* * *

А тем временем довольный Наполеон лишь потирал руки:

– Виновны якобинцы или нет, это неважно. Важно то, что теперь я от них избавлен. Эта бочка взорвалась весьма кстати. Если бы ее не было, мне самому надо было бы взорвать ее под своей кроватью. Пусть якобинцы оплакивают свое прошлое, в будущем я им отказываю. Будущее принадлежит мне!

Наполеон быстро сообразил, что из неудавшегося покушения на улице Сен-Никез можно извлечь двойную политическую пользу. Эпоха относительной терпимости кончилась.

После ноябрьского переворота 1799 года и до 24 декабря 1800 года во Франции, конечно же, действовал режим личной власти, но это был режим, так сказать, «мягкого бонапартизма». Он был похож на режим предыдущей Директории, только вместо пяти директоров теперь было три консула, да одни законодательные учреждения по новой Конституции были заменены другими. Личная власть Наполеона была ограничена. В стране легально действовала оппозиция – и левая, и правая. Даже в созданном по новой Конституции Трибунате (одном из законодательных органов) политика Наполеона и вносившиеся им законопроекты подвергались ожесточенной критике. Знаменитый французский писатель-романтик Бенжамен Констан, подстрекаемый не менее знаменитой мадам де Сталь, сделал себе имя на яростных антибонапартистских речах. В Вандее продолжали действовать, говоря современным языком, «незаконные вооруженные бандформирования» шуанов, поддерживавшиеся роялистской эмиграцией и Лондоном, и разгромить их никак не удавалось.

Наполеон, конечно, затыкал рот наиболее яростным критикам и все время старался предпринимать шаги к ужесточению режима, но это были лишь частные изменения. После же взрыва на улице Сен-Никез пришло время глобальных изменений. Взамен «мягкого бонапартизма» во Франции установился режим прямой диктатуры – когда вся власть оказалась в руках Наполеона Бонапарта. В этой диктатуре не было места оппозиции, свободной прессе и критике. Законодательные органы были превращены в настоящую бутафорию. Стране была предложена «национальная идея», заключающаяся в объединении всех французов вокруг Наполеона. Всех, начиная от бывших санкюлотов, ненавидевших аристократов, и кончая аристократами, ненавидевшими санкюлотов.

Быстро поняв свою выгоду, Наполеон был вынужден согласиться с мнением Фуше.

– Фуше рассудил лучше многих других, – сказал Наполеон. – Он оказался прав. Теперь нужно зорко следить за вернувшимися эмигрантами, за шуанами и всеми принадлежащими к этой партии.

Министр полиции, благодаря этому делу, приобрел в глазах Наполеона большой вес, но не любовь. Никогда самодержцы не бывают благодарны человеку, обнаружившему их ошибку.

Все более распалаясь, Наполеон угрозал:

– Я уверен, необходимо показать большой пример того, что я готов противостоять этим подлым злодеям, судить их и подписать им приговор. Но здесь я говорю не о себе. Я подвергался и не таким опасностям, моя фортуна меня от них сберегла, и я на нее еще рассчитываю. Здесь речь идет об общественном порядке, о морали и о национальной славе.

* * *

На самом деле события 24 декабря 1800 года, конечно же, были частью роялистского заговора.

Историк Альбер Вандаль дает следующее определение царивших среди роялистов настроений:

«Роялистское движение, обнаружившееся в последние времена Директории, не остановилось сразу. Возвышение Бонапарта замедлило его, толкнуло его на другой путь, но не поставило ему непреодолимой преграды. Положительно можно утверждать, что весьма значительная часть французов видела в Бонапарте только последнюю ступень к восстановлению королевской власти, только временного, хотя и поразительно даровитого правителя. Мирные роялисты, лишь теоретически отдавшие предпочтение королевской власти, теперь уже склонялись в пользу примирения, готовы были удовольствоваться той безопасностью, которую давало им Консульство; роялисты же боевого типа, люди пламенной веры и дела, не собирались сложить оружия <...> Они порешили, в случае, если консул в ближайшем будущем не исполнит их требований, пустить в ход против него все те средства, при помощи которых они вели борьбу с его предшественниками, объявить ему войну не на жизнь, а на смерть, – и эти враги были бы действительно опасны, ибо они одни способны были стойко держаться против Бонапарта. Общественное мнение относилось к ним до известной степени сочувственно, видя в них открытых противников якобинства»¹³.

Наполеон успокаивал себя тем, что народу нужна сильная власть, что он примет ее как эквивалент королевской власти. Относительно народных масс Наполеон был прав: простые французы желали только ими одного – чтобы их не слишком угнетали и разумно ими управляли. Но и роялисты представляли собой немалую силу, способную взволновать народ и втянуть его в беспорядки.

Стендаль по этому поводу пишет:

«Умеренность первого консула, так сильно отличавшаяся от насилий предыдущих правительств, внушила роялистам безрассудные и безграничные надежды. Революция обрела своего Кромвеля; они были настолько глупы, что увидели в нем генерала Монка»¹⁴.

Упоминание Монка может быть не всем понятным, и оно нуждается в комментариях. Джордж Монк был одним из наиболее блестящих полководцев Великобритании XVII века. Он доблестно сражался против испанцев, ирландских и шотландских повстанцев, одно время был соратником могущественного Кромвеля. После смерти Кромвеля Монк выступил против генерала Ламберта, который в октябре 1659 года силой разогнал парламент. Монк занял Лондон, содействовал восстановлению парламента, а потом начал вести переговоры с принцем Карлом Стюартом, скрывавшимся до этого в Брюсселе. В мае 1660 года Карл высадился в Дувре и был провозглашен королем. За вклад в реставрацию королевского рода Стюартов Монка удостоили титула герцога и чина лорда-лейтенанта Ирландии.

Аналогичным образом французские роялисты надеялись, что генерал Бонапарт подействует реставрации Бурбонов, но они просчитались. Дальнейшие их действия Стендаль описывает следующим образом: «Убедившись в своей ошибке, они стали искать способ отомстить за свои обманутые надежды и додумались до адской машины»¹⁵.

Убежденный в том, что это был роялистский заговор, Фуше послал в Бретань одного из своих опытных лазутчиков по имени Дюшателье с задачей разузнать о связях руководителя шуанов Жоржа Кадудалья с Парижем.

Дюшателье быстро разведаль, что два помощника Кадудалья – Пьер Робино де Сен-Режан и Жозеф-Пьер Пико де Лимоэлан – тайно прибыли в Париж. Однако Кадудаль считал, что не имеет смысла убивать первого консула: его место тут же займет кто-либо другой, а роялисты останутся ни с чем. По его мнению, лучше было похитить Бонапарта и держать его в качестве заложника.

Сен-Режан и Лимоэлан прибыли в Париж как раз тогда, когда полиция сообщила об обнаружении взрывного устройства Шевалье. Шуаны решили последовать примеру Шевалье и, опираясь на имевшиеся у них связи в столице, принялись за изготовление «адской машины».

Зная, что Наполеон часто бывает в Опере, Сен-Режан провел разведку площади Каррузель, потом осмотрел консульские конюшни возле дворца Тюильри. Лучшим местом для покушения ему показался угол улицы Сен-Никез, она выходила на другую улицу Сент-Оноре, а та вела прямо к театру, по ней карета Наполеона обязательно должна будет проехать.

24 декабря заговорщики поставили на улице Сен-Никез повозку, где находился заряженный смертоносный механизм. Один из них дежурил на площади Каррузель, он должен был увидеть выезжающего Наполеона и подать сигнал своим сообщникам.

– Что-то они опаздывают, – озабоченно сказал Сен-Режан.

– Кажется, едут!

План оказался верным: на тихой улице Сен-Никез никто не обращал внимания на повозку с бочкой. А слабо тлеющий фитиль уже подкрадывался к начинке «адской машины»...

– Бежим! – крикнул Сен-Режан.

Вроде бы все было рассчитано и сигнал был подан вовремя, но детонатор сработал чуть позже, чем следовало по плану, и карета Наполеона успела промчаться мимо. После этого заговорщики скрылись на одной из конспиративных квартир.

Полиция начала расследование. На месте взрыва были обнаружены останки лошади, которая была запряжена в повозку с «адской машиной». Как выяснилось, эту лошадь держала под уздцы 14-летняя девочка. Ее звали Пёсоль, и она была дочерью уличной торговки. Позже выяснилось, что за то, что она подержит лошадь, ей обещали двенадцать су. Девочку мощным взрывом разорвало на множество маленьких частей. Собственно, как и повозку с лошадью.

* * *

Префект полиции Луи Дюбуа и специально приглашенный им ветеринар тщательно собрали окровавленные останки лошади. Потом они стали опрашивать торговцев лошадьми, и 27 декабря некий Ламбель признал животное, которое он лично продал вместе с повозкой за 200 франков. Он хорошо помнил покупателя и дал его подробное описание. Главной отличительной чертой покупателя был шрам над левым глазом.

Полиция быстро установила, что лошадь была куплена неким Франсуа Карбоном. После этого не составило труда узнать, что этот Карбон (кличка «Маленький Франсуа», 45 лет) проживал на улице Сен-Мартен в доме своей сестры. Раньше он был моряком, потом сотрудничал с шуанами. Дома Карбона не оказалось, и тут же все полицейские Парижа получили приказ о его задержании.

18 января 1801 года Карбон был схвачен в своем новом убежище на улице Нотр-Дам-де-Шан, куда он перебрался сразу после взрыва. Арестованный сначала все отрицал, но потом у него была найдена записка весьма подозрительного содержания: «Сидите спокойно и без надобности не выходите на улицу. Верьте только мне одному. Остерегайтесь других людей,

даже если они будут представляться моими друзьями, они могут обманывать. Я о вас не забуду. Скоро увидимся».

Допрошенный «с пристрастием», Карбон признался, что это записка от одного из шуанских командиров Лимоэлана, по приказу которого он и купил лошадь с повозкой. А еще он назвал полиции имя главного сообщника Лимоэлана Пьера Робино де Сен-Режана. Карбон сказал, что его задачей было кормить лошадь и ждать дальнейших указаний. 24 числа, в четыре часа пополудни, к нему пришел Лимоэлан и приказал запрягать лошадь, одет он был в синюю робу извозчика. Потом он сел в повозку и уехал. Больше Карбон ничего не знал, но и этого было достаточно, чтобы полиция объявила охоту на Сен-Режана и Лимоэлана.

Последнему из них удалось сбежать, прежде чем ловушка захлопнулась. Был арестован его отец, но тот либо продемонстрировал отменное мужество, либо действительно ничего не знал о делах своего сына.

Сен-Режана же, раненого во время взрыва, сначала захватить не удалось: он покинул конспиративную квартиру незадолго до прихода полиции, но не успел сжечь компрометирующие роялистов бумаги. На этой квартире полицейские Фуше нашли письмо Жоржа Кадудала и отчет Сен-Режана о подготовке покушения.

Получив дополнительные данные, полиция стала арестовывать одного за другим помощников заговорщиков: женщин, у которых они жили в Париже, врача, который лечил раненого Сен-Режана, и некоторых других. Но это были второстепенные персонажи, более же важным роялистам удалось скрыться.

Но работа полиции не прошла даром, вскоре она вышла на след Сен-Режана, который был схвачен полицейским на улице дю Фур.

* * *

Во время допроса Сен-Режан начал отрицать все, что говорил о нем Карбон. Так продолжалось еще очень и очень долго. Сен-Режану задавали вопросы, он односложно отвечал на них, все отрицая или ссылаясь на плохое самочувствие. Ко всему прочему, вызванная для очной ставки мать погибшей девочки Пёсоль не узнала его. Тем не менее решение суда было predetermined заранее. Сен-Режан и Карбон были приговорены к смертной казни, как участники заговора против первого консула. Сен-Режан был назван прямым участником покушения, а Карбон – человеком, оказывавшим ему в этом содействие.

Когда председатель суда спросил приговоренных, понятно ли им такое решение, Карбон закричал:

– Я не признаю себя виновным! Мне всего-навсего поручили купить лошадь и повозку, разве это преступление?

Сен-Режан лишь попросил, чтобы с казнью не затягивали, так как он не собирается подавать никаких протестов и жалоб.

Они были казнены 20 апреля 1801 года на глазах специально для этого собранной толпы парижан. Перед смертью Сен-Режан закричал:

– Люди добрые, мы умираем за короля!

* * *

На поимку Лимоэлана были брошены лучшие полицейские силы Франции. Оказалось, что его невеста, мадмуазель Альбер, жила в Версале. У нее-то он и прятался первое время после взрыва. Был найден священник, которому Лимоэлан исповедовался за месяц до покушения. Кольцо постепенно сжималось, но, когда дом, где должен был находиться Лимоэлан, был окружен, оказалось, что там его уже нет.

Он в это время уже был в Бретани. Там он скрывался до конца марта 1802 года, а после этого уехал в Соединенные Штаты. Смерть маленькой Пёсоль настолько сломила его психику, что он совсем перестал спать по ночам. В Америке он стал священником под именем аббата де Клоривьера. Через год он написал своей невесте, приглашая ее приехать в Америку, но та не могла сделать этого, так как поклялась посвятить себя богу, если ее жениху удастся ускользнуть от полицейских ищеек. Новоявленный аббат де Клоривьер был в отчаянии: зачем ему было с такими сложностями спасаться, если теперь он и его любимая не могут быть вместе?

Но надо было продолжать жить, и вплоть до самого падения Наполеона он служил кюре в Чарльстоне, а в 1820 году стал управляющим монастыря в Джорджтауне и организовал за свой счет пансионат для маленьких девочек из бедных семей. Умер Жозеф-Пьер Пико де Лимоэлан лишь в 1826 году, через пять лет после смерти ненавистного ему Наполеона.

* * *

Роялисты, непосредственно участвовавшие в покушении, были казнены, многие были сосланы подобно якобинцам. Но все-таки гнев Наполеона против роялистов не был в тот момент так жесток, как можно было бы ожидать, судя по расправе с совсем не имеющими отношения к делу о взрыве на улице Сен-Никез якобинцами. И тут причина заключается вовсе не в том, что он уже потратил на якобинцев весь свой гнев, а на роялистов его уже не хватило. Наполеон умел быть жестоким, когда находил это нужным, оставаясь вполне хладнокровным и спокойным. Дело тут было вовсе не в этом, а в том, что он задался целью увести из-под знамен Бурбонов тех умеренных роялистов, интересы которых вполне можно было бы примирить с новым порядком во Франции. Другими словами, он хотел показать, что те роялисты, которые признают законность его власти и безропотно подчинятся ей, будут приняты им с готовностью, и прежние грехи могут быть им прощены, а вот с непримиримыми, непременно желающими восстановить власть Бурбонов, он будет вести беспощадную борьбу.

По имеющимся оценкам, эмигрантов-роялистов в то время насчитывалось около 150 000 человек, и из них более половины уже вернулось в страну и поступило под надзор полиции. Только трем тысячам эмигрантов въезд во Францию по-прежнему был воспрещен. Вот эти-то люди и были главными противниками Наполеона.

Торжественная коронация в Париже

В мае 1804 года Наполеон был официально провозглашен императором с правом наследования.

Следует отметить, что поначалу слово «империя» даже не произносилось, а Сенат лишь назвал пожизненного первого консула «столь же бессмертным, как и его слава». Затем очень осторожно была заведена речь о праве наследования его титула, и лишь через несколько дней бесконечных интриг и сомнений некий депутат по имени Кюре впервые озвучил тезис о том, что Наполеон Бонапарт может стать императором французов с правом наследования этого титула для членов его семьи.

В ноябре 1804 года были обнародованы результаты так называемого плебисцита XII года: «за» проголосовало 3,52 млн человек (99,93 % голосовавших), «против» осмелилось высказаться лишь 2 579 человек (0,07 % голосовавших). Так при помощи «свободного волеизъявления граждан» Наполеон стал императором французов. Опытные юристы быстро оформили все эти изменения, а Наполеон, посчитавший себя после этого единственным правомочным представителем всей нации, за все годы своего императорства никогда больше не беспокоил свой народ какими бы то ни было голосованиями.

* * *

Коронация Наполеона прошла с невиданным великолепием 2 декабря 1804 года в Соборе Парижской Богоматери. Организаторы церемонии не жалели золота, страусовых перьев, бархата, кружев, алмазов и пушечных выстрелов.

Почтительным письмом Наполеон просил папу Пия VII приехать во Францию и удостоить священный обряд своим присутствием и благословением. В письме было сказано: «Да снизойдет на нас и на народ наш благословение Божие, управляющее судьбами царств». Папа ответил согласием и 5 ноября 1804 года выехал из Рима. 25 ноября Наполеон встретил его в лесу Фонтенбло. С военными почестями папа был препровожден во дворец Фонтенбло, где оставался в течение четырех дней. За это время у него было множество встреч, в частности, с женой Наполеона Жозефиной, которая призналась, что их брак, заключенный в 1796 году, был гражданским и, следовательно, недействительным по каноническому праву. Узнав это, папа наотрез отказался участвовать в коронации, пока ему не предоставят свидетельство о законном католическом браке. Проблему устранил дядя Наполеона, кардинал Жозеф Феш, который ночью 1 декабря сочетал пару во дворце Тюильри в присутствии Шарля-Мориса де Талейрана и маршала Бертье.

Весь Париж вывалил на улицы, когда в определенный для коронации день, одетый в великолепную императорскую одежду, среди священных гимнов и курений фимиама, Наполеон вместе с Жозефиной явился в собор Парижской Богоматери. Келлерман нес древнюю корону Карла Великого, Периньон – скипетр, Лефевр – меч, Бертье – державу, Бернадотт – цепь Почетного Легиона. Папа уже был в соборе с многочисленным духовенством.

Камердинер Луи Констан Вери потом написал, что Наполеон был в белом бархатном жилете с золотой вышивкой и бриллиантовыми пуговицами, малиновой бархатной тунике и короткой малиновой куртке с атласной подкладкой, с лавровым венком на голове. Число зрителей, по оценкам Вери, составляло от 4 000 до 5 000 человек, многие из которых не покидали свои места всю ночь, несмотря на периодические ливни. К утру 2 декабря небо расчистилось.

Экипаж Наполеона и Жозефины был запряжен восемью лошадьми и сопровождался конными гренадерами и солдатами элитной жандармерии Императорской гвардии.

Хулители Наполеона говорят, что он выхватил корону из рук папы Пия VII и что это был акт невероятного высокомерия, но на самом деле Наполеон сказал Пию, что сам возложит корону на свою голову, и тот не возражал.

Далее Пий VII провозгласил латинскую формулу *Vivat imperator in aeternum!* («Вечную жизнь Императору!»), которую повторил хор. Затем последовал гимн *Te Deum* («Тебя, Бога, хвалим»). После окончания мессы папа удалился в ризницу, а Наполеон, возложив руки на Библию, произнес клятву:

– Клянусь поддерживать целостность территории Республики, уважать и обеспечивать уважение к Конкордату² и свободе вероисповедания, равенству прав, политической и гражданской свободе, необратимости продажи национальных земель; не брать никаких налогов, кроме как в силу закона; поддерживать институт Ордена Почетного Легиона и управлять, руководствуясь исключительно интересами, счастьем и славой французского народа.

После клятвы герольд громко провозгласил:

– Трижды славный и трижды августейший император Наполеон коронован и возведен на трон. Да здравствует император!

Мадам Клер де Ремюза, близкая подруга Жозефины, потом вспоминала:

«Сначала проходили длительные дискуссии по поводу особой коронации императора. Первая идея состояла в том, чтобы папа возложил корону своими руками; но Бонапарт отказался принять ее у кого-либо. В конце концов было решено, что император коронует себя сам, и что папа даст только свое благословение <...> Прибыв в Собор Парижской Богоматери, император некоторое время оставался в архиепископстве, чтобы надеть свои одежды, которые, казалось, немного его подавили. Его невысокая фигура растаяла в огромной горностаевой накидке. Простой лавровый венок украшал его голову; она была похожа на древнюю медаль. Он был чрезвычайно бледен, искренне тронут, и его глаза помутнели. После коронации Наполеон короновал Жозефину. Момент, когда императрица была коронована, вызвал всеобщее восхищение. Она так изящно подошла к алтарю, преклонив колени в такой элегантной и простой позе, что все умилились <...> Папа на протяжении всей церемонии выглядел как смиренная жертва, но смирение его было благородно <...> Получив благословение, Наполеон и Жозефина снова вернулись к подножию алтаря. Регалии вручались императору в следующем порядке: кольцо, меч, мантия, Рука правосудия, скипетр, корона. Папа молился последовательно над каждым из них; но тут ему пришлось приостановиться, так как Наполеон взял корону из его рук и сам возложил ее себе на голову; эта корона была похожа на диадему из золотых дубовых и лавровых листьев; из бриллиантов были сделаны желуди и фрукты. Сделав это, император взял с алтаря корону, предназначенную для императрицы, и возложил ее на голову Жозефины, стоящей на коленях перед ним <...> Затем император, сидя, с короной на голове и держа руку на Святом Евангелии, принял присягу»¹⁶

² Конкордат – это соглашение между папой Пием VII и Французской республикой в лице первого консула, подписанное 15 июля 1801 года, по которому католицизм был объявлен «религией большинства французов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.